

Рагулин Андрей Викторович

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРАВА ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ФУНКЦИЮ ЗАЩИТЫ В
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ, НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЗАРОЖДЕНИЯ АДВОКАТУРЫ В РОССИИ**

В статье рассмотрены вопросы формирования института профессиональных прав лиц, осуществляющих функцию защиты в уголовном судопроизводстве, в период с X века до Судебной реформы 1864 г.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/44.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 160-164. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 347.965

В статье рассмотрены вопросы формирования института профессиональных прав лиц, осуществляющих функцию защиты в уголовном судопроизводстве, в период с X века до Судебной реформы 1864 г.

Ключевые слова и фразы: адвокатура; профессиональные права адвоката-защитника; уголовное судопроизводство; судные грамоты; судебники; Свод законов Российской империи; судебная реформа 1864 г.

Андрей Викторович Рагулин, канд. юрид. наук, доцент
*Центр исследования проблем организации и деятельности адвокатуры
Евразийский научно-исследовательский институт проблем права
Raguln88@yandex.ru*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРАВА ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ФУНКЦИЮ ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ, НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЗАРОЖДЕНИЯ АДВОКАТУРЫ В РОССИИ[©]

О значимости исследования вопросов истории адвокатуры блестяще высказался профессор Ю. И. Стецовский, указав на то, что обращение к вопросам адвокатуры имеет серьезные предпосылки, поскольку прошлое, настоящее и будущее – сообщающиеся сосуды [23, с. 4]. Нельзя не отметить и мнение известного русского юриста Н. Д. Сергеевского, который писал: «Проследив прохождения известного института или законоположения, мы узнаем те условия, которые породили его и которые влияли на его развитие; зная это, мы имеем возможность оценить его современное значение, иначе говоря, мы получаем возможность решить: должно ли быть это законоположение сохранено или оно должно уступить место другому, как потерявшее свое жизненное основание, вследствие изменившихся условий» [19, с. 8].

По поводу возникновения и развития российской адвокатуры известный русский ученый-юрист Е. В. Васьковский совершенно обоснованно отмечал, что «подобно всем социальным учреждениям адвокатура не возникает сразу в совершенно организованном виде, а появляется в жизни сначала в форме незначительного зародыша, который может при благоприятных условиях развиваться и достигнуть пышного расцвета, а при неблагоприятных – чахнуть и прозябать в глуши» [5, с. 35-36].

История развития российской адвокатуры свидетельствует о глубоких корнях и поступательном развитии данного института. Наряду с этим, история развития института профессиональных прав адвоката-защитника в полной мере совпадает с выделенными И. Я. Фойницким этапами развития уголовного судопроизводства. Так, он отмечает, что «история уголовного процесса распадается на три основных периода: 1) подчинение государственного начала частному; 2) поглощение государственным началом не только частного начала, но даже личности вообще и сведение процесса к безличному производству; 3) обеспечение в процессе права и участия личности при признании государственного начала уголовного процесса» [27, с. 18].

Анализ отечественных нормативно-правовых актов и работ по истории государства и права, в т.ч. научных трудов, посвященных развитию и функционированию адвокатуры, показывает, что вплоть до эпохи царствования Петра I ни в одном отечественном законодательном акте не использовались понятия «адвокат», «адвокатура», «профессиональные права адвоката».

В законодательстве XVIII в. была закреплена норма, предусматривающая участие адвоката в судебном процессе. В 5-й главе «Об адвокатах и полномочных» «Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 г., март» указывалось: «Хотя в середине процесса челобитчик или ответчик занеможет или протчите важные причины к тому прилучаются так, что им самим своею особою в кригсрехте явмца невозможно, то позволяет оным длша выводу своего дела употреблять адвокатов и оных вместо себя в суд посылать. И, правда, надлежало б в кригсрехтах все дела как наикратчайше, отложя всякую пространность, представлять. Однако ж, когда адвокаты у сих дел употребляются, оные своими непотребными пространными приводами судью более утруждают, и оное дело толь паче к вящшему пространству, нежели к скорому приводят окончание» [28, с. 272]. Из данной правовой нормы следует, что в случае если сторона в процессе в силу неблагоприятного состояния здоровья или по иной уважительной причине не сможет самостоятельно принять участие в судебном заседании, она вместо себя может направить в суд адвокатов. При этом указывается, что в случаях, когда адвокаты участвуют в процессах, они утруждают и запутывают процедуру судопроизводства, вследствие чего увеличивается продолжительность процесса. В связи с этим вряд ли следует согласиться с мнением исследователей, указывающих на то, что термин «адвокат» в России появился лишь в 1864 г. [27, с. 5].

Об отношении Петра I к адвокатуры наглядно свидетельствует история о том, как он, находясь в Англии, посетил Вестминстер-Холл (суд) и, увидев там «законников», т.е. адвокатов, спросил: «– Что это за народ и что они тут делают? – Это все законники, Ваше Величество. – Законники! – удивился Петр. – К чему они. Во всем моем царстве есть только два законника, и то я полагаю одного из них повесить, когда вернусь домой» [7, с. 20].

Однако истоки зарождения адвокатуры и, соответственно, института профессиональных прав адвоката-защитника в российском праве появились задолго до Петра I.

В старейшем из известных на сегодняшний день источников российского права – Русской правде [10, с. 48; 11, с. 227; 25, с. 113] – не содержится упоминания о судебном представительстве, однако некоторые исследователи предполагают, что институт судебного представительства в X-XII вв. существовал в форме обычая [1, с. 34; 20, с. 57]. Тем не менее анализ нормативных источников и научной литературы позволяет отметить, что на сегодняшний день однозначно подтвердить или опровергнуть данное предположение не представляется возможным.

Вместе с этим достоверно известно, что уже во времена действия Новгородской и Псковской судебных грамот (XV в.) в России существовал нормативно-закрепленный прообраз адвокатуры в виде института поверенных [2, с. 122-129; 28, с. 33]. Следует отметить, что некоторые исследователи полагают, что недопустимо отождествление образования института представительства с зарождением адвокатуры [12], однако полагаем, что наша точка зрения не противоречит и этой позиции, поскольку, на наш взгляд, институт представительства – это прообраз адвокатуры.

Первое нормативное закрепление института судебного представительства на Руси встречается в Псковской судебной грамоте (1397-1467 гг.), которая устанавливает круг лиц, которые могли иметь представителя (пособника) в судебном процессе. К ним относились женщины, дети, монахи и монахини, глухие и дряхлые старики. Так, ст. 58 определяла: «А на суд помочью не ходити, лести в судебницу двема сутяжником, а пособников бы не было ни с одной стороны, опричь жонки, или за детину, или за чернца, или за черницу, или который человек стар вельми, или глух, ино за тех пособнику быти».

И. А. Владимирова отмечает, что в Псковской судебной грамоте встречается запрещение поверенным вести более одного дела в день, что, по ее мнению, свидетельствует о том, что власти не желали развития профессионального представительства по так называемым чужим делам [6, с. 14].

По Новгородской судебной грамоте, являвшейся более прогрессивным правовым актом по сравнению с Псковской судебной грамотой, поверенного мог иметь всякий (ст. 15, 18, 19, 32), и стороны, если их интересы в судебном процессе отстаивали нанятые представители, должны были иметь дело только с ними (ст. 5) [18]. Профессиональные права поверенных в Псковской судебной грамоте не были регламентированы в тексте закона, поэтому вопросы поведения поверенных в ходе рассмотрения дел, по всей видимости, определялись нормами обычного права.

По Новгородской судебной грамоте круг прав поверенных был следующим: они имели право ходатайствовать в суде по делам, требующим законного решения, отписывали сроки для явки в суд, излагали доводы и оправдания по делам их клиентов, скрепляли протоколы, присягали (целовали крест) в некоторых случаях за клиентов [2, с. 122-129]. Следует отметить, что примерно этот же объем прав за поверенными сохранился и позднее.

В более поздних правовых памятниках – Судебниках и Уложениях царя Алексея Михайловича – также упоминается о наемных поверенных. Так, в соответствии со ст. 36 Судебника 1497 г. истец или ответчик могли не являться в суд, а прислать вместо себя поверенных. Судебник 1550 г. закреплял в ст. 13 право сторон иметь поверенных (стряпчих и поручников) [1, с. 35]. В Судебниках 1497 и 1550 гг., а затем и в Соборном уложении 1649 г. (гл. 10, ст. 108) также закрепляется институт наемных поверенных. Отметим, что состав этих лиц был весьма разнообразен, т.к. в то время еще не было законодательной регламентации представительства (стряпчества) [17].

Е. Г. Мартынич полагает, что появление адвокатуры в Российском государстве связывают с Судебником 1550 г., комментируя ст. 13 которого, В. Н. Татищев указывал на то, что «среди стряпчих были различные чины, в том числе адвокаты, за других ходившие в суды, каковые ныне поверенные именуется» [15, с. 2]. С данной позицией вряд ли можно согласиться, поскольку, несмотря на действительное наличие в Судебнике института стряпчих, явившихся прообразом адвокатуры, комментарий В. Н. Татищева и использование в нем термина «адвокат» были обусловлены тем, что этот термин уже вошел в обиход в 20-х гг. XVIII в., во время подготовки и написания знаменитого труда «История российская».

Следует также отметить, что в рамках так называемой «Адвокатуры западного края» [21, с. 25], куда входило 9 губерний западной части Европейской России, присоединенных в конце XVIII в. от Речи Посполитой, адвокатура была организована и функционировала несколько раньше, по сравнению с территорией основной части России. Так, О. В. Синеокий указывает, что с XV в. в общегосударственных судах Украины применялось магдебургское право, защитники по уголовным делам назывались палестрами, еще первый Литовский статут 1529 г. во всех трех редакциях (1529, 1566, 1588 гг.) употреблял термин «advocatus», но оно касалось государственных чиновников «вийтив», а фактически функции адвоката выполнял «прокуратор», которым мог быть полноправный житель города, хорошо знающий писаное право, т.е. профессиональный юрист. Прокуратор для вступления в процесс должен был представить судье удостоверенный документ на право представлять интересы стороны или устное подтверждение стороны в судебном заседании. Кроме того, Литовский статут 1588 г. предполагал для убогих, вдов, сирот защитника по назначению без оплаты.

Начиная с 1743 г. фактически действующий кодекс «Права, по которым судится малороссийский народ» предусматривал что «адвокат, пленипотент, патрон, прокуратор или поверенный называется тот, который в чужом деле, с поручения чиего, вместо его в суде обстоует, ответствует и расправляется» [20, с. 57-60]. Объем профессиональных прав защитника, по-видимому, определен не был, и, следовательно, их непосредственное содержание носило обычно-правовой характер.

Впоследствии в Российском государстве институт поверенных существовал наряду с институтом родственного представительства, а затем появились и наемные поверенные, которых именовали ходатаями по делам либо стряпчими. Ю. Ф. Лубшев отмечал, что они находились в полной зависимости от судей и практически не

имели никаких прав. Более того, по Уложению 1649 г. ходатаи могли быть подвергнуты телесному наказанию и даже тюремному заключению, а после троекратного осуждения лишались права ходатайствовать по чужим делам [14, с. 75-76], что, естественно, негативно сказывалось на отношении к поверенным со стороны государственной власти и населения, не позволяло поверенным в полном объеме обеспечивать своими действиями защиту прав и законных интересов представляемых ими лиц. Исследователи отмечают, что занятие стряпчеством в России стояло на одной из низших социальных ступеней, отношение народа к нему было недоброжелательным, неуважительным, что было следствием отношения к самому суду, олицетворявшемуся с судейской неправдой, волокитой, мздоимством [4, с. 23; 12, с. 3; 26, с. 5].

Именно поэтому адвокаты, деятельность которых основывалась на изменениях в законодательстве, введенных в результате произведенной позднее судебно-правовой реформы 1864 г., говоря о своем происхождении, отмечали, что они никак не связаны с дореформенными прообразами адвокатуры. Так, П. А. Потехин писал: «...мы народились не из них, мы даже произошли не из пепла их, мы совсем новые люди; ни исторического родства, ни последовательной связи с ними не имеем и не имели, чем можем гордиться» [16, с. 15].

В. Д. Спасович по этому поводу отмечал: «Зологи доискиваются, но пока не доискались, а верят в первичное самозарождение организма (*spontanea generation*). У нас именно имеется пример такого самозарождения. Ничего подобного не бывало на Руси. Мы вышли не *ex ovo*, мы не вылупились из скорлупы, мы без роду и племени» [22, с. 85]. Однако с позиций сегодняшнего времени представляется, что, рассматривая историю появления адвокатуры в России, вопреки мнению несомненно уважаемых пореформенных адвокатов все же следует обращаться и к анализу такого явления, как «стряпничество».

В период царствования Екатерины II в российском законодательстве появился ряд правовых норм, с помощью которых регламентировалось право обвиняемого на защиту. Так, указывалось, что лицо могло быть допрошено только при наличии улики, «возбуждающих сильное подозрение»; было закреплено требование о «тщательном исследовании доказательств как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого», при этом с должностного лица, «если обвиняемый был взят беззаконно и не дельно», в пользу обиженного должны были взыскиваться «бесчестие и убытки»; до привлечения обвиняемого к следствию следовало путем проведения дознания выяснить, имеются ли для этого достаточные основания; во время производства следствия обвиняемый имел право давать объяснения, подтверждающие его невиновность, и лицо, производившее расследование, обязывалось проверять данные объяснения [18].

Расширение и процессуальное закрепление целого ряда прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, повлекло за собой и положительные сдвиги в деле правовой регламентации института защиты в уголовном судопроизводстве и нормативном закреплении профессиональных прав защитников.

Так, в 1775 г. Екатерина II подписала Указ «Учреждения о губерниях», по которому стряпчие становились помощниками прокурора и защитниками казенных интересов. Однако каких-либо требований в виде образовательного или нравственного ценза к стряпчим не предъявлялось, не существовало и их внутренней организации. Губернские стряпчие казенных дел и губернские стряпчие уголовных дел, как следует из вышеуказанного правового акта, имели следующие профессиональные права: право давать заключение по делу и право составлять и подавать жалобы [Там же].

Наряду с этим, как отмечают многие исследователи, Екатерина II считала адвокатов главными виновниками гибели французской монархии и свершения революции в Париже. По этой причине она категорически отрицала в России саму идею адвокатуры западного типа [20, с. 65], что представляется первопричиной стагнации как в развитии адвокатуры в целом, так и в отношении института профессиональных прав адвоката-защитника в частности.

Впоследствии законом от 14 мая 1832 г. был создан институт присяжных стряпчих, т.е. стряпчих, принимавших присягу, направленный на упорядочение деятельности судебных представителей в коммерческих судах [1, с. 35], однако при этом деятельность защитников в рамках уголовного судопроизводства, как и совокупность их профессиональных прав, все еще не получила надлежащего нормативного оформления.

В преддверии судебной реформы 1864 г., в целях обеспечения прав обвиняемых, был введен институт депутатов при следствиях. Депутаты как «особые защитники со стороны обвиняемых», согласно ст. 1023, 1029 т. 15 Свода законов Российской империи (изд. 1857 г.), могли приглашаться по делам, в которых обвиняемые были лицами духовного или военного звания; купцы, мещане, крестьяне удельного ведомства и вообще лица, принадлежавшие по своему званию к какому-либо особому ведомству. Депутатам предоставлялось право защищать подсудимых и наблюдать за правильностью производства следствий. Помещикам также не запрещалось ходатайствовать за своих крестьян и «объяснять следователям все, что может открыть истину к оправданию невинных», однако следователи не обязаны были «призывать» помещиков к следствию или дожидаться их явки (ст. 1035).

При депутатах производилось все следствие, включая допросы. В виде исключения без депутата могли быть предприняты первоначальные распоряжения по поводу совершенного преступления и действия, не терпящие отлагательства, например исследование происшествий по горячим следам.

Права депутатов на следствии регламентировались статьями 1029, 1031 и 1032, согласно которым они должны были являться на место следствия немедленно, наблюдать за правильным его производством, по окончании «удостоверить его своим рукоприкладством». В случае несогласия они были вправе «предъявлять свое мнение». Если следствие начиналось до прибытия депутата, то он мог требовать сведений о произведенном исследовании, и если при этом он находил «в следствии недостаток, или склонность к отягощению судьбы обвиняемого», то обязан был обратиться к стряпчему и просить о доставлении обвиняемому законной защиты.

Следует согласиться с С. Н. Гавриловым в том, что депутатов, выполняющих функции представителей стороны, нельзя было считать полноценными правозаступниками, обладающими достаточными знаниями и полномочиями [8, с. 11], однако именно при введении института депутатов при следствии впервые на нормативном уровне в Российском государстве была осуществлена попытка правового закрепления таких процессуальных прав лиц, по сути, выполняющих функцию защиты, как право вступать в уголовный процесс с момента его начала, право присутствовать при производстве процессуальных действий, право требовать сведения о произведенном при отсутствии депутата исследовании обстоятельств дела и право вносить замечания, связанные с осуществлением уголовного судопроизводства.

В связи с вышеизложенным трудно в полной мере согласиться с утверждением Н. В. Черкасовой, которая, исследуя вопрос организационной формы представительства до судебной реформы 1864 г., указывает, что, по сути дела, судебное представительство существовало не в качестве юридического института, а лишь в качестве обычно-правового [29, с. 10-19].

Вместе с этим следует согласиться с А. Г. Кучереной, который отмечает, что хотя судебное представительство известно в России с очень давних времен, но подлинной адвокатуры тогда еще не было, и объясняет это тем, что верховенство следственного процесса делало фигуру адвоката излишней. Официально признавались лишь ходатаи и поверенные, которые обычно были юридически неподготовленными, а порой неграмотными и зачастую не помогали правосудию, а запутывали дело, чтобы выиграть его любым путем [13, с. 6].

Л. Ю. Грудцына совершенно обоснованно замечает, что к середине XIX в. необходимость проведения судебной реформы становилась все очевиднее, а органической ее частью должен был стать институт адвокатуры, по сути дела, еще неизвестный российскому судопроизводству. Поэтому вопрос о будущем адвокатуры в то время серьезно обсуждался общественностью, которая пыталась найти компромисс между сложившимся неуважением к имеющейся адвокатуры и неумолимыми требованиями времени о создании состязательного процесса в судах [9].

Говоря о необходимости существования института адвокатуры, И. Бентам указывал: «Счастливы был тот народ, который имел бы законы, доступные для всех по простоте своей, когда бы каждый из граждан сам мог вести тяжбу в суде так же, как ведет и другие свои дела. Но при законах неясных и запутанных, при судопроизводстве, наполненном формальностями, из которых несоблюдение многих влечет за собою ничтожность решения, особенно при отсутствии письменных законов, адвокаты необходимы. Они необходимы для установления равновесия между тяжущимися в отношении искусства вести дело и для предотвращения невыгоды, сопряженных с сравнительно худшим положением» [3, с. 97].

О необходимости введения в России адвокатуры западного типа писали А. Н. Радищев, М. С. Лунин, Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев. П. И. Пестель высказывал важное предложение, касающееся направленности деятельности, а по сути – характера профессиональных прав адвоката-защитника, что для судебного разбирательства необходимо наличие «судьи-защитника» («адвоката обвиняемого»), который «ищет доказательств в невиновности» своего подзащитного [20, с. 67-68].

В преддверии введения в России института адвокатуры составители судебных уставов, вторя И. Бентаму, отмечали: «Если бы законы могли быть настолько ясны и просты, чтобы каждый был в состоянии принять оные; если бы все возникающие в делах вопросы могли быть заранее предвидены и с полной точностью означены в законах, то, конечно, не было бы надобности в установлении особых присяжных поверенных; но такого совершенства законов нельзя найти, почему и учреждение поверенных считается основным началом образования судебной защиты» [24, с. 176].

Полагаем, что общественная потребность в наличии нормативно-оформленного, независимого от государственных органов или каких-либо сословий саморегулируемого института, призванного оказывать квалифицированную юридическую помощь, т.е. адвокатуры, явилась одной из предпосылок проведения Судебной реформы 1864 г. Эти же предпосылки предопределили и последующее нормативное закрепление института профессиональных прав адвокатов-защитников.

Список литературы

1. **Адвокатская деятельность:** учебно-практическое пособие / под общ. ред. В. Н. Буробина. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003.
2. **Анохина С. В.** Зарождение и развитие института представительства с древних времен до конца XVIII века // Право и политика. 2005. № 9.
3. **Бентам И.** О судостроительстве: по французскому изданию Дюмона, изл. А. Книрим. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1860.
4. **Бородинова Т. Г.** Зарождение и развитие института правозаступничества в России // Судебные ведомости. 2007. № 1.
5. **Васьковский Е. В.** Организация российской адвокатуры. СПб., 1893.
6. **Владимирова И. А.** Институт адвокатуры в механизме реализации права на защиту. Тверь, 2005.
7. **Воронежский адвокат.** 2010. № 9.
8. **Гаврилов С. Н.** К истории вопроса о допуске защиты на предварительное следствие // Адвокатура. Государство. Общество: сб. материалов 5-й ежегодной науч.-практ. конференции / Федер. Палата адвокатов Рос. Федерации. М.: Информ-право, 2008.
9. **Грудцына Л. Ю.** Российской адвокатуры 140 лет: историческая ретроспектива // Адвокат. 2004. № 10-11.
10. **Дьяконов М.** Очерки общественного государственного строя Древней Руси. СПб., 1908.
11. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9-ти т. М., 1987. Т. 1.

12. Корнеев А. А. Зарождение и развитие института адвокатуры до Судебной реформы 1864 г. // Адвокатская практика. 2005. № 4.
13. Кучерена А. Г. Адвокатура в условиях судебно-правовой реформы в России. М.: ЮРКОМПАНИ, 2009.
14. Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России: учебник. Изд-е 2-е. М.: ООО «Профобразование», 2002.
15. Мартынчик Е. Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе: теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования. М.: Юнити, 2009.
16. Потехин П. А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. № 47.
17. Российское законодательство X-XX веков. М., 1985. Т. 2.
18. Свод законов Российской империи (СЗРФ). 1857. Т. X. Ч. 2.
19. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право: пособие к лекциям: часть общая. СПб., 1911.
20. Синецкий О. В. Адвокатура как институт правовой помощи и защиты: учебное пособие. Х.: Право, 2008.
21. Смоленский М. Б. Адвокатура в Российской Федерации. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
22. Спасович В. Д. Застольные речи: 1871-1901. Лейпциг, 1903.
23. Стецовский Ю. И. Становление адвокатуры в России. М.: Волтерс Клувер, 2010.
24. Трунов И. Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М.: ИД «Юриспруденция», 2005.
25. Филиппов А. Учебник истории русского права. Юрьев, 1907. Ч. 1.
26. Филиппова Ю. А. Из истории русской адвокатуры // Адвокатская практика. 2005. № 4.
27. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1.
28. Хрестоматия по истории государства и права СССР: дооктябрьский период / под ред. Ю. П. Титова, О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990.
29. Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России: 60-80-е гг. XIX в. М., 1987.

PROFESSIONAL RIGHTS OF OFFICIALS PERFORMING DEFENCE FUNCTION IN CRIMINAL PROCEEDING AT INITIAL STAGE OF ADVOCACY ORIGIN WITHIN RUSSIA

Andrei Viktorovich Ragulin, Ph. D. in Law, Associate Professor
Center of Advocacy Organization and Activity Problems Research
Eurasian Scientific-Research Institute of Law Problems
Ragulin88@yandex.ru

The author considers the questions of the professional rights institution formation for the officials performing defence function in criminal proceedings within the period from the Xth century till the judicial reform of 1864.

Key words and phrases: advocacy; defence attorney's professional rights; criminal proceeding; court letters; law books; Code of Laws of the Russian Empire; judicial reform of 1864.

УДК 141.155

Статья посвящена обоснованию теоретической схемы эволюции аксиологической прагматики вербального знака в контексте современного направления научных исследований отечественной философской мысли.

Ключевые слова и фразы: вербальный знак; семиотический ряд; референциальный сдвиг; табуирование; эвфемизация; симуляция.

Кирилл Евгеньевич Резвушкин

Кафедра философии

Челябинский государственный университет

kirus2002@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО РЯДА ВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВ[©]

Прагматический потенциал вербальных знаков является областью, исследование которой уже давно вызвало к себе повышенный интерес и продолжает привлекать пристальное внимание многочисленных специалистов в самых разных областях гуманитарного знания, включая лингвистику (М. Маковский), психологию и психоанализ (школа З. Фрейда), этнографию и этнологию, семиотику, когнитологию, культурологию и, наконец, философию (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. В. Биbihин, Д. Лескин, Е. Гурко, Д. Иоффе). Сразу же оговоримся, что этот краткий перечень наиболее значимых в контексте данной темы имен отечественных философов прошедших десятилетий и активно работающих в наше время исследователей не претендует на исчерпывающую полноту, как впрочем и сама проблема всестороннего раскрытия сущности вербального знака едва ли может быть решена исключительно в рамках философского дискурса. Нам представляется, что эта задача должна носить комплексный характер, а пути ее решения лежат в сфере углубленной разработки различных отраслей гуманитарной науки.